

менее использует его «онтологические формулировки» «для того, чтобы “вновь обрести верное понимание онтологических категорий христианского Востока”» (с. 327). Признавая «яркость» разработанной на этой основе греческим мыслителем «онтологии личности», автор, однако, справедливо указывает на сомнительность производимого здесь «сближения понятий Бога и бытия, против которого Хайдеггер настойчиво возражал», и задается вопросом: «Сохраняется ли в этой христианской философии необходимая методологическая строгость и дисциплина мышления... не превращается ли такая попытка изложить святоотеческое учение о личности на языке Хайдеггера в то, что сам Хайдеггер в § 35 “Бытия и времени” называет “болтовней о неподконтрольном”?» (с. 328). Очевидно, что вопрошание это должно рассматриваться не как дискредитация идей православного мыслителя, но как провоцирующее побуждение к поиску собственных мыслительных путей.

В заключение хочется отметить тот факт, что автор, осуществляя точную и обоснованную историко-философскую реконструкцию своей проблематики, давая возможность читателю почувствовать внутреннее движение мысли рассматриваемых авторов и ее значительность, не ограничивается простым изложением и обобщением соответствующего исторического материала, но подходит к решению своей задачи как философ, самостоятельно продумывающий на этом материале организующую его проблематику — вопросы о природе и соотношении философии и теологии, о научности богословия, его специфическом методе, его месте в системе знания, его значении для современного человека, — чем и определяется ценность этой работы, прочитать и воспринять всерьез которую, безусловно, стоит православным философам и богословам.

К. М. Антонов
(ПСТГУ)

Eliade M. The Portugal journal. N. Y.: Suny press, 2010. 284 p.

Вспоминая о своей встрече с генералом Салазаром, Мирча Элиаде писал в автобиографии: «...перечитанные через сорок лет, некоторые фрагменты (дневника. — П. Г.) показали мне чрезвычайно ценными. <...> Если будут напечатаны избранные места из Лузитанского дневника (1941—1945), в них войдет весь текст целиком»¹. Лузитанским здесь называется португальский дневник, написанный им в 1941—1945 гг., во время работы культурным атташе Румынии в столице Португалии Лиссабоне. Из текста видно, что у Элиаде была мысль издать выдержки из дневника еще в 70-е гг., но по каким-то неизвестным причинам этого не произошло. И вот в 2010 г. «Португальский дневник» наконец вышел в свет в Америке в переводе на английский язык. Важность этого события трудно переоценить.

Элиаде, возможно, как никто другой, был человеком книги. Он прочел колоссальное количество книг, и сам писал ничуть не меньше. Вся свою жизнь

¹ *Элиаде М.* Посулы равенства: Жатва солнцеворота. М., 2008. С. 330.

он превратил в роман, красочно описав ее фрагменты в своих художественных произведениях² и последовательно изложив ее в не менее литературной автобиографии. В своих книгах Элиаде пересоздавал самого себя, он лепил свой образ таким, каким хотел, чтобы его узнали и запомнили. И вот впервые перед читателем предстает книга, которую не затронуло перо Элиаде-редактора. Перед нами живой текст дневника, который писал Элиаде в годы войны. В нем нет ни комментариев автора, ни стилистических исправлений, ни вставок, ни ретуши.

Но «Португальский дневник» интересен не только своей оригинальностью. Религиовед найдет в нем описание религиозного опыта Элиаде, его самых сокровенных переживаний, о которых он никогда и нигде не писал³. Кроме того, в нем описаны те условия, в которых были созданы некоторые наиболее значительные работы румынского мыслителя — прежде всего «Космос и история» и «Очерки по сравнительному религиоведению». Историк найдет в книге впечатления от Второй мировой войны человека, принадлежавшего и фактически, и идейно к крайне правому, зачастую отождествляемому с фашистским, лагерю. Также он найдет там заметки о встречах с Салазаром, Юнгером, Эволой, Шмиттом и многими другими видными политическими деятелями и мыслителями той эпохи. Да и для любого читателя текст «Дневника» будет знакомством с личной драмой Элиаде во всей ее сложности и противоречивости.

Годы, описанные в «Дневнике», были для румынского религиоведа во всех смыслах переломными. По политическим причинам он покидает свою родину, чтобы никогда больше в нее не вернуться. Не так давно скончался его любимый учитель и наставник Нае Йонеску. «Легион архангела Михаила», политическое движение, которому он отдал годы своей жизни, был уничтожен⁴. Будущее предстает для Элиаде как черная бездна, не несущая в себе ничего положительного: мировая война сулит лишь поражение тем идеям, за отстаивание которых румынский мыслитель боролся в своей молодости. Часто в тексте мы видим упоминания об обуревавших румынского религиоведа приступах меланхолии и истерии. Кроме того, в конце периода, описываемого в «Дневнике», Элиаде теряет свою первую жену.

Чтобы проникнуться всей полнотой описываемой картины, надо прочесть текст целиком, как кажется, после этого желание судить или восхвалять румынского религиоведа должно поубавиться. «Дневник» предоставляет возможность увидеть в Элиаде человека со сложной судьбой.

Сам текст Элиаде можно условно разделить на несколько отдельных, не связанных между собой тем: размышления о жизни, мировых событиях, религии и т. п.; путевые заметки, взятые из отдельной тетради и перенесенные в дневник, в основ-

² См. роман Элиаде «Майтрейи» и ответный роман, написанный Майтрейи Деви, «It does not die». Также историю романа и его анализ можно посмотреть в статье: *Стефанов Ю.* Конечное уравнение, или Ночь духов // Мистики, оккультисты, эзотерики. М., 2006. С. 87–127.

³ Подробнее о проблеме определения личной религиозности Элиаде см.: *Носачев П. Г.* Влияние личного мировоззрения на исследовательскую деятельность (в творчестве Мирча Элиаде) // Труды XX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2010. Т. 1. С. 62–64.

⁴ По этому вопросу подробнее см.: *Носачев П. Г.* Синтез религии и политики в предвоенной Румынии: Легион архангела Михаила // Труды XXI Ежегодной богословской конференции ПСТГУ. Т. 1. М., 2011.

ном описывающие путешествия в Испанию; содержание диалогов с различными видными деятелями эпохи; отчеты о написании тех или иных произведений.

На протяжении всего «Дневника» мы видим меняющуюся реакцию Элиаде на события, происходящие в мире. 22 июня 1941 г. Элиаде пишет: «Я замечу, что не ожидал войны в 1941. Я верил в то, что так называемое русско-немецкое сотрудничество продлится дольше. Это значит, что немцы поняли, что не выиграют войну в этом году и готовятся к затяжной войне» (с. 7). Чуть позже, 30 июня: «Вчера первые германские армии вторглись на русский фронт, это немного успокоило меня. Моя безоглядная любовь к своей стране, мой блестящий национализм переполняет меня. Я не могу ничего делать с тех пор, как Румыния вступила в войну» (с. 8). В одной из июльских записей 1942 г. можно прочесть: «Я начинаю испытывать страх за будущее, потому что, если мы проиграем, то погибнем и как государство, и как нация» (с. 30), а позже 6 апреля 1944 г. он пишет: «Бомбежка Бухареста американскими освободителями впервые заставила меня думать о русских с меньшим ужасом и отвращением. После предательской декларации Молотова американцы уничтожили нашу столицу. Для меня все дальнейшие комментарии бесполезны. Я верю, что читатель этого дневника увидит суд истории к тому моменту, когда прочтет эти страницы» (с. 107). На момент написания этих слов Элиаде не знал, каким образом распорядится история, так же как и не знал, что ему самому придется работать на «американских освободителей» и всячески отрешиваться от своего националистического и профашистского прошлого⁵. Интересно также сопоставить эти слова с тем, что он писал несколькими месяцами раньше, в августе 1943 г.: «В Америке после трех-четырёх лет я обрету славу, почитателей и достаточное количество денег, если буду достаточно жестокосердным, чтобы отвергнуть румынскую культуру. Но я не могу сделать этого, без моей нации история не важна для меня» (с. 92).

Уникальными в «Дневнике» являются моменты, в которых Элиаде говорит о своей религиозности. Их также можно разделить на две группы. В первых автор «Дневника» рефлексировал над своей личной религиозностью, вынося строгие суждения: «Трагедия моей жизни может быть выражена следующей формулой: я — язычник, совершенный, классический язычник, пытающийся сделать из себя христианина. Для меня космические ритмы, символы, знаки, магия, сексуальность существуют в гораздо большей степени и более непосредственно, чем проблема спасения. Лучшую часть себя я посвятил именно последней, но без возможности хоть на шаг продвинуться вперед» (с. 33). Далее на ту же тему читаем: «Моя религия: очень редко я чувствую необходимость в *присутствии* (курсив Элиаде. — П. Н.) Бога. Я не молюсь и не знаю, как молиться. Когда я вхожу в церковь я пытаюсь молиться, но не могу сказать успешно или нет. Но часто я испытываю религиозные “приступы”: желание изоляции... Отчаяние. Желание (и надежду) аскетизма» (с. 36).

Ко второй группе относятся описания личного религиозного опыта Элиаде, связанные прежде всего с болезнью и смертью жены. 1 октября 1944 г. после ночи, проведенной рядом с постелью больной, в дневнике Элиаде делает запись:

⁵ Подробнее о фашистских симпатиях Элиаде см. тенденциозную книгу: *Ленель-Лавастин А.* Забытый фашизм: Ионеску, Элиаде, Чоран. М., 2007.

«Это было ужасно. Только молитва поддерживала меня в здравом уме. Никогда еще так сильно я не ощущал ее (жены. — П. Н.) близость ко мне, как в эти часы приступов ее болезни. Я сказал, чтобы она повторяла про себя “Господи, Господи”. Я сохранил свое душевное спокойствие, повторяя молитву Господню столь часто, сколько это было возможно» (с. 125). Позже, описывая свое состояние после смерти жены, он пишет: «Я буду полностью истощен, погрязнув в безумии или в самом страшном злодеянии. Молюсь Пресвятой Деве» (с. 132). Из сопоставления рефлексии и личного опыта Элиаде видна вся неоднозначность и противоречивость его личной религиозности, о которой, отметим, ничего нельзя найти во всех изданных его трудах.

Столь же противоречивыми являются оценки Элиаде своих произведений, своего вклада в мировую литературу и гуманитарную мысль. 15 июля 1943 г., подводя промежуточный итог своей творческой деятельности, он пишет: «Я — Гете, даже не написавший еще “Вертера”, но уже размышляющий о “Фаусте II”. Это происходит не из-за того, что у меня не хватает сил или сосредоточенности. <...> Я осознаю, что со времен Эминеску румынская раса никогда не видела личность столь сложную, столь могущественную и столь одаренную» (с. 90). Такие самонадеянные описания часто соседствуют с самоумалением и осуждением, в которых Элиаде обвиняет себя в колоссальной безнравственности и аморальности. К этому прибавляются частые приступы меланхолии, когда всякая творческая деятельность полностью прекращается.

Стиль описания путешествий резко контрастирует со стилем «Португальского дневника». Вот как выглядит типичное описание путешествия по Испании: «Собор подобен многим другим, но *не такой же* (курсив Элиаде. — П. Н.), он вырос и все еще продолжает расти... Он живой...Человек с париком. Эль Греко в ризнице. Исключительно красивая улыбка Мадонны на алтаре. Восточный. Визит в Алказар наполнил меня печалью. Я вспомнил фильм, виденный прошлым летом. <...> День мертвецов. Венки, цветы и вдовы в катакомбах и в саду под Алказаром. На противоположном холме политзаключенные работают над очередным бараклом. Странно, однако, что миф крепости заставил людей забыть, что идет братоубийственная война. Синагога. Это очень прекрасно, однако... Простые деревья около окруженного стеной города...» (с. 40).

Цитировать «Дневник», кажется, можно бесконечно. Можно рассказать о диалогах Элиаде и Шмитта, Элиаде и Эволы, можно описать встречу с Салазаром и краткие визиты в Румынию, можно цитировать высказывания о Геноне и традиционализме, а можно обратить внимание на то, что в первые недели после смерти жены Мирча Элиаде мог читать только Библию и Льва Шестова. Но все это будет лишь сравнительно небольшой частью изложенного в «Дневнике» материала.

В заключение можно отметить, что книга должна быть рекомендована к прочтению религиоведам, историкам и богословам, т. к. ее текст открывает новые горизонты в исследовании не только творчества Мирчи Элиаде, но, вполне возможно, и отдельных аспектов философско-богословской мысли и истории середины XX в.

П. Г. Носачев
(НИУ ВШЭ, ПСТГУ)